

Глава 1

— Это что, ловушка?! Почему, мать твою, эта адская машина стоит под дверью?! Есть разумное объяснение, или это небольшой экспромт с целью меня угробить?

«Адская машина» — сервировочный столик — получила хорошего пинка, но не разлетелась, как задумывалось, на части, а всего лишь докатилась до стены и обиженно звякнула чашками.

Даша осталась недовольна картиной бесчеловечной мести столику, схватила пачку салфеток и швырнула во врага. Поверженный стакан шмякнулся об пол и развалился на несколько частей.

— Ты могла бы не колотить ложкой о чашку с таким остервенением? — продолжала Даша. — Голова же раскалывается!

Скорчив гримасу, открыла холодильник, достала мокрое заледеневшее полотенце и приложила ко лбу.

Оксана привыкла. Вся эта истерика ровно ничего не значила. Но Дашин вид: роскошное японское кимоно, черное, расшитое розовыми цветами, тапочки на каблучках, кольцо с огромным цитрином на пальце (зачем оно

ей? Она ведь только проснулась), всклокоченные волосы и эта мокрая тряпка на голове — отчего-то раздражал. Отчего? Ответ был. Не самый простой и даже несколько унижительный.

Развалившись на диване — белом, в красную полоску — Даша произнесла устало:

— Чаю мне сделаешь? Не в службу, а в дружбу.

Припадок бешенства прошел, сил у нее, видимо, не осталось.

— Доброе утро, — сказала Оксана и поставила чайник.

— Это у тебя оно доброе, а у меня просто кошмар, — сообщила Даша. — У нас есть какая-нибудь хрень от головы?

— От головной боли, — поправила Оксана.

— Это не боль, это божье наказание, — простонала Даша.

Оксана заварила чай с мятой в прозрачном чайнике, выжала лимон, размешала много-много ложек сахара, разбавила холодным «Эвианом» (подавив странное желание залить напиток водой из-под крана) и подала на стол вместе с высокой стеклянной кружкой и цитрамом.

Дарья Аксенова, великая писательница. Франсуаза, блин, Саган.

В двадцать три года опубликовала первую книгу — триллер о побеге из дурдома. Краткое содержание: дочь политика, которого только что со скандалом сняли с должности, устроила дебош в ночном клубе, бросилась с ножом (ну и что, что со столовым?) на сына папашки

ного оппонента, в честь чего ее и отправили в Кашенко. Она ничего не помнит. И понимает — здесь она не просто так, это ловушка. Уже в дурдоме она узнает — родители разбились на машине. Фондами управляет «друг семьи», который, вместо того чтобы выволить ее на свободу, советует «отлежаться». И так далее. И в том же духе. Триллер увлекательный, да. Есть еще младшая сестра, жизни которой угрожает опасность.

Ну не сходятся иногда концы с концами, развязка местами предсказуемая, любовная линия чересчур сентиментальная — такой вполне можно разжалобить аудиторию шоу «Поле чудес», — а так все прекрасно. Невиданный успех.

Теперь издается по три книги в год тиражом двести пятьдесят тысяч экземпляров. Неплохо для тридцати лет, ага?

Триста тысяч в год, не считая сценариев, — от шестидесяти тысяч за полный метр до десяти тысяч за серию сериала. Ну и по мелочи — торжества и церемонии (от пятерки), эссе в журналы (долларов пятьсот за полосу) и реклама. В прошлом месяце ювелирный дом отвалил Даше двести тысяч. Скоро ее лицо появится во всех глянцевах журналах.

Оксана фыркнула.

— Что?! — Даша не оставила это без внимания.

Да ничего!

В общем, она неплохая. Сочиняет, правда, полную чушь. Иногда не совсем чушь, но время от времени выдает такое, что компьютер зависает и дымится. От стыда.

— Слушай... — Даша отодрала ото лба полотенце и швырнула его на пол. — У меня там... мальчик.

— Что? — насторожилась Оксана.

Даша зачем-то перешла на драматический шепот:

— У меня. Там. Мальчик. В спальне. — Она сделала большие глаза.

— А что он там делает? — слегка понизив голос, заинтересовалась Оксана.

— Спит.

— И что? Ты хочешь, чтобы я его разбудила и выставила на улицу? — Оксана побледнела от злости.

— Хорошая мысль, — усмехнулась Даша, заметив ее негодование. — Но мой ответ «нет». Ты пока к этому не готова. Шутка! Просто я хотела, чтобы ты знала. Если он вдруг появится где-нибудь в трусах или без них.

— Может, натянуть на него штаны? — предложила Оксана. — Пока он спит.

— Ха-ха! — развеселилась писательница. — Они слишком узкие! Мы его разбудим.

— А кто он?

— Да!.. — отмахнулась Даша. — Просто мужчина.

Боже. Зачем она, Оксана, в это ввязалась?

Оксана уже две недели работала личной помощницей Дарьи Аксеновой и никак не могла привыкнуть к ритму жизни хозяйки. Потому как ритма никакого не было. Был сплошной бедлам.

Но если тебе двадцать семь, ты окончила журфак, у тебя квартира на Никитской, и все-таки твоего телефона нет в трубке у Яны Лепковой, главного редактора

«ОК!», значит, в этом городе ты — никто. Огромный жирный ноль. Пустота. Дырка от бублика.

Нервная, закомплексованная дырка... от бублика, которая все никак не может найти свое место в жизни.

Пустота, живущая с мыслью, что ее родители — кульминация эволюционного развития семейства Меламед, а ты, пустота — путь назад, в мир животных и прочих инфузорий.

Не-не-не. Все не так ужасно. Просто кризис четверти жизни, если, конечно, такой существует.

Это нормально. Сейчас у всех кризис. Каждый год.

— Что за мужчина? — настаивала Оксана.

Даша покачала головой.

— Не знаю, — ответила она. — Ты же понимаешь, это не в моем стиле.

Ну да.

Любимый вопрос автору: все эти мужчины в ваших книгах — личный опыт? Ответ: такого опыта не бывает даже у самых востребованных порнозвезд.

У Даши не было мужчин на одну ночь. Даже ради того, чтобы через неделю расстаться, она месяц принимала ухаживания, присматривалась, изучала объект и, только преодолев ей одной очевидную границу недоверия, приглашала мужчину в постель. Все это Оксана узнала на собеседовании, которое заняло часов пять.

Ее Даша тоже изучала. На совместимость.

Но при этом Аксенова не верила в компромиссы. Не желала уступать. Людям рядом с ней было неудобно, потому что она никому не шла навстречу. Мужчины появлялись и уходили. Личные помощницы — тоже.

Наверное, Дарья была самой настоящей стервой.

Но Оксана знала — сейчас ей это нужно. Нужна эта работа. И не только из-за денег.

— А что, если он сюда придет? — прошептала Даша.

— И что? — расхохоталась Оксана. — Скажешь ему «привет».

Даша тяжело вздохнула.

— Мы только вчера познакомились. И я не помню, как его зовут.

— Не может быть! — воскликнула Оксана.

Даша развела руками.

— Как тебя угораздило?

— Алкоголь растормаживает низменные инстинкты, — пояснила писательница. — Слушай! Я пойду в ванную, а ты сиди здесь и жди, когда он появится. Познакомься, предложи ему кофе, а потом позвони мне, ладно? Я возьму телефон.

— Ладно, — произнесла Оксана, когда за ней закрылась дверь.

Не было в Даше природного обаяния. Ей не хотелось угодить, сделать так, чтобы она была счастлива. Но Аксенова определенно была властной. И щедрой. Она могла истязать тебя неделю, доводить до слез, упрекать, обвинять в тупости и разгильдяйстве, а потом дарила дорожную пудру от «Герлен» и приглашала в ресторан, где ухаживала за тобой, как за лучшей подружкой.

— Я клоун, Оксана! — заявила Даша, когда они сидели за аперитивом в пиццерии «Миа Пьяччи». — Во мне нет такого, знаешь... Ну как сказать? Вот ты молчишь, а когда заходит речь о том, что тебе интересно,

ты открываешь рот, и все тебя слушают. Кажется, что ты никому ничего не хочешь доказать, ты не интересуешься чужим мнением, поэтому всем хочется тебе понравиться. Как это у тебя получается?

Оксана улыбнулась и пожала плечами.

Даша ничего не держала в себе. Она могла накричать, но могла и похвалить — искренне, от души.

— А я как цирк-шапито! — усмехнулась Даша. — Мне хочется произвести впечатление на всех и сразу.

— Ну пока тебе это удастся, — сухо заметила Оксана.

Она не умела вот так откровенно признавать чужие достоинства и, уж конечно, не смогла бы ляпнуть нечто вроде: «Если ты не можешь договориться об интервью в «Космо», за что я тебе плачу?!»

Оксана поставила чайник, прикурила сигарету и перелистнула страницы «ОК!».

Тут открылась дверь, и вошел незнакомец.

Оксана судорожно захлопнула журнал (она не готова была признать, что почитывает все эти глупости, светскую хронику и сплетни о знаменитостях), журнал соскользнул на пол, она подняла его, положила на стул и только после этого посмотрела незнакомцу в глаза.

Да-а... Ясно, почему Даша изменила своим принципам.

Джинсы действительно были узкие. О боже... Это не сон? Разве такие мужчины встречаются в обычной жизни? Это не «Фотошоп»?

Потрясающая фигура. Его обнаженный торс... ах!.. его правую руку от плеча до кисти украшает татуировка. На левой — рисунок от запястья до локтя.

— Я потерял майку, — улыбнулся он, и Оксана почувствовала боль от этой улыбки, как от разрывной пули. Он сразил ее наповал.

Ямочки на каждой щеке, белые зубы с выдающимися клыками, губы, которые хочется поцеловать, и синегreenые глаза... О-о...

Это бессовестно, нечестно быть таким красивым!

— Оксана, — проблеяла она.

— Захар.

— Захар?

— Ну да.

— Редкое имя.

— Мне повезло, — хмыкнул он.

— Ну да... Захар, хотите чаю? — спохватилась Оксана.

— А можно сока или просто воды? — поморщился он.

— Конечно! — засуетилась Оксана.

О боже, боже!.. Она же не ведет себя как идиотка? Ведет! Точно! И бороться с этим бессмысленно! Как еще можно вести себя с воплощением всех твоих грез и надежд?

И тут вернулась Даша.

— Привет, Захар! — бросила она и покрепче замотала голову полотенцем. — Как состояние?

— Не спрашивай, — он покачал головой. — Я одной ногой в могиле.

— Кса-ан... — Даша позвала помощницу. — Вы познакомились?

— Да, — кивнула Оксана, побледнев.

Она физически ощущала, как кровь отливает от лица.

— Хо-ро-шо... — по слогам произнесла Даша. — Захар, пойдем в сад, что ли?

И они ушли. Оставив Оксану сражаться с призраками.

Дашу осенило в ванной. Она вспомнила его имя.

А заодно восстановила ход мыслей, предшествующих сексу против правил — с первым встречным.

Дело, собственно, было не в том, что Даша за каждого встречного собиралась замуж или истово верила в Господа и смертный грех.

Просто у нее была своя теория.

Теория предвкушений, из которой следовало, что в жизни не имеет смысла ни слишком подолгу сомневаться, взвешивая все за и против, ни седлать волну чувственного порыва. В первом случае можно упустить свой шанс, во втором — ни за что лишиться себя прелести ожидания.

Ведь перед каникулами, например, приятное томление щекочет нервы — сегодня ты лишь мечтаешь, завтра покупаешь билет, неделю слоняешься по магазинам, прицениваясь к тому, как будешь выглядеть на пляже в хипповом парео, сбор вещей — неповторимый момент, когда ты телом здесь, а душой — уже там, и, наконец, особый вкус обретают последний утренний кофе, дорога в аэропорт, беспрошлинный магазин... — все это так важно, что и представить невозможно, как без этого обойтись, если есть хоть шанс в секунду пере-

нестись в другую реальность. Мир стал бы слишком функциональным, в нем не осталось бы места для грез.

А если бы в жизни не осталось места мечте, никто бы не читал книги, и она, Даша, разорилась бы и пошла работать на стройку.

Захара она с утра хорошенько разглядела — спящего — и не пожалела о том, что повисла на нем вчера, как обезьяна.

Невероятно красивый мужчина.

Даше нравились эти игры разума: и чувствовать, и понимать, и анализировать свои ощущения, не лишая себя удовольствия и не теряя рассудок.

Это как с чтением.

Многие ее друзья — музыканты, актеры — жаловались, будто слышат музыку не как все смертные, а замечают лишь количество аккордов и децибелов; видят не кино, а только монтаж, количество эпизодов и прочие технические примочки, но все это была сладкая ложь, самоупоение, скрытое бахвальство: вот какой я фанат своего дела, профи, мне доступно то, что непонятно вам.

И Даша читала книги не просто так: подмечала грамотную композицию, обороты речи, но все это лишь добавляло остроты, а не разрушало картину, ей нравилось одновременно быть и участником событий, и сторонним наблюдателем.

В саду они целовались. Он был сладкий и терпкий, как хороший кофе, она согревалась в его руках — хотелось секса и в то же время не хотелось, как в юности, когда душевный жар возбуждает больше, чем физическая близость.

Влюбиться она не готова. Но он милый.

— Захар, а ты работаешь? — спросила она, хоть спрашивать не собиралась.

Видимо, она все же решила прощупать его на предмет постоянных встреч. Ну и ладно.

— Нет, побаиваюсь, — усмехнулся он.

— Ну! — она шлепнула его по лбу.

— Я юрист.

— Юрист?! — удивилась она. — Это же прямо-таки противозаконно — быть таким красивым юристом!

— Быть юристом — это скучно, — признался Захар. — Но я оценил твой комплимент. Хочешь лимонаду?

— Ой! Мы его на кухне забыли! — огорчилась Даша.

— Я принесу. — Он поднялся и пошел к дому.

Какая походочка... Р-рр!..

Может, все, что нужно женщине, — красивый молодой мужчина, а не всякие там интеллектуалы с отрицательным обаянием, которых любишь не за кубики на прессе, а за умные глаза?

Оксана все еще сидела на кухне. Выясняла отношения с «Космо».

— Ладно, я все поняла, перезвоню, — она резко оборвала разговор. — Тебе помочь? — обратилась она к Захару.

— Можно взять лимонад?

— Конечно!

Оксана рванула к холодильнику, и на секунду их ру-

ки соприкоснулись. Вот он, электрошок! Разряд отбросил ее на метр.

Захар с удивлением взглянул на нее.

— Все в порядке?

— Н-да... кхе... — закашлялась Оксана. — Просто током ударило, знаешь, так бывает...

— Это статическое электричество. Не страшно.

Он открыл холодильник и достал графин с напитком.

Еще как страшно, мальчик! В особенности в контексте размышлений, удастся ли ей снять Захара мобильным телефоном, чтобы впоследствии целовать его фотографию...

Когда Захар вернулся, Даша дремала. Он просунул руку ей под голову, прижал к себе, поцеловал в макушку и заснул, вдыхая запах ее волос, от которых веяло медом, духами, но по большей части — сигаретами и ночным клубом.

Глава 2

— Просто объясни мне, что я здесь делаю? — шипела Даша, надвигаясь на Оксану.

«Уволюсь!» — думала та.

Она ведь ни при чем!

— Я не виновата, что программа задерживается, — произнесла она с трусливой хрипотцой в голосе.

— Не виновата, — согласилась Даша. — Но когда мы сидели в «Жан-Жак» и я спросила, не хочешь ли ты

уточнить чего у редактора, ты мне сообщила, что все уточнила, запись идет по плану, а мне нужно бросить на полпути чудесный суп и тащить свою задницу в эту обитель зла и ждать эту дуру!

В «обители зла» («Останкино») «эта дура» (ведущая шоу) ругалась с начальством — нормальная история, благодаря чему съемки все откладывались и откладывались, и ни дна не было видно, ни берегов, и в студии уже стало жарко, как в солярии, зрители выжимали рубашки, участники металась по гримерке, а Дарья Аксенова в туалете распекала свою помощницу, у которой фраза «Я увольняюсь!», как икринка, перекатывалась на языке и готова была вот-вот лопнуть.

— Оксана, я не хочу срывать на тебе зло, но больше не на ком, — объяснила Даша, закурив сигарету. — Я бы с радостью убила эту, как ее... — Даша не без труда вспомнила имя ведущей. — Но я не могу ее найти. Так что, прости, дорогая, сегодня ты — козел отпущения. И самое страшное состоит в том, что у меня есть этот никчемный придаток — совесть, и я не могу просто так подставить редактора по гостям — взять и уйти. Но запомни — сегодня во всем виновата ты.

Она тяжело выдохнула.

— Сколько нам еще здесь торчать? Реально?

— Надеюсь, не больше часа, — Оксана пожала плечами.

— ...здец! — выразилась Даша и потерла виски.

У нее зазвонил телефон, она вздрогнула и рывкнула в трубку:

— Алло! Кто? Захар? О, привет... Ничего не делаю,

стою в туалете, пытаюсь никого не убить. Жду начала телешоу. Слушай, перезвони позже, а то я сейчас тебе нахамлю, а потом буду жалеть. Что? А ты где? И ты сюда приедешь? Ну... Давай! Ага! Я закажу пропуск. Сделай Захару пропуск, — обратилась она к Оксане.

— А-а... На какую фамилию? — растерялась та.

— Понятия не имею! — отрезала Даша, всучила ей трубку и ушла.

Ха! И что ей теперь делать?

— Захар? — пролепетала она через десять секунд. — Извини, это Оксана...

С Дашей всегда так. Едва Захар приехал, начались съемки.

— Ты подождешь? — спросила Даша без всяких сомнений в том, что услышит в ответ «да». — Это быстро, я побежала, извини...

Она ускользнула, а Оксана осталась.

— Ну давай я угощу тебя кофе, — предложил Захар.

Он был в тех же джинсах и белой рубашке — но ничего облегающего! Рукава подвернул, обнажив восхитительные кисти, татуировку и третичный мужской половой признак — вены на руках. Пальцы у него, кстати, были длинные, тонкие, не крестьянские.

Оксана ощутила себя голой — все девицы в кафе разглядывали ее с таким видом, словно хотели определить, сколько стоит ее нижнее белье.

Но Оксана знала: она — красивая. В отличие от Даши.

Пепельные волосы до плеч, карие глаза с поволокой, розовые губы и смуглая кожа — спасибо бабушке-

турчанке, завешавшей ей яркие черты. В косметике не было необходимости.

Даша же была довольно обычной девицей со слегка вьющимися темными волосами, с тяжелыми скулами, не самой удачной верхней губой, и только глаза представляли интерес — зеленые, миндалевидные, зато с короткими ресницами.

И если у Оксаны был полный третий размер груди, то Даша с трудом дотягивала до первого с половиной. Лифчики носила только с поролоном. И у нее даже был целлюлит, с которым отчаянно боролась массажистка.

Но Даша, казалось, понятия не имела о том, что не выиграла бы конкурс красоты даже в женской зоне строгого режима. Считала себя неотразимой.

Наверное, Оксана была к ней несправедлива.

Но если есть Бог на свете, то как можно объяснить с позиции добра и зла тот факт, что Даше успех сам идет в руки, а она, Оксана, заблудилась в трех соснах?

Они знакомы с детства. Не то чтобы их родители дружили, просто года два они жили в одном доме.

Оксана таскалась со скрипкой в музыкальную школу, пока Даша прыгала с тарзанки. Оксана приносила домой пятерки, а Даша — ссадины на коленках и щенков с помойки.

Оксана помнила, что Даша всегда считалась оборванкой — когда другие девочки щеголяли в юбках с воланами и майках с котятами, Даша слонялась по двору в засаленных джинсах и стоптанных кроссовках, причем не потому, что ее родители не могли позволить большего, а потому, что она не признавала другой одежды.

У Оксаны тогда была роскошная коса, а Дашу стригли под Мирей Матье.

Оксана училась в шестом классе, увлекалась оригами и Шарлоттой Бронте, а Даша перешла в девятый, слушала «Кино» и «Алису», ездила с хулиганом Костей на мотоцикле «Урал» и курила травку.

На местном тотализаторе на Дашу не поставили бы и копейки, а вот Оксану считали «подающей надежды» — если она не станет моделью, звездой журналистики или женой миллионера, значит, мир перевернулся.

Но когда Оксана поступала на журфак, Даша уже писала в «Афишу», ездила на старом полосатом «Жуке» и считалась модной московской девицей.

Родители Даши переехали с метро «Аэропорт» на Остоженку, но связь осталась — Москва маленькая, все друг друга знают.

— Ну и что тебе даст образование? — поинтересовалась как-то Даша, встретив Оксану на показе Петлюры и пани Брони.

Даша была в узких черных джинсах, которым не изменила по сей день, в черной майке и в шляпе-котелке.

Оксана тогда собиралась работать в глянцевом журнале, наверное в «Космо», поэтому не могла точно сказать, зачем ей диплом. Иллюзии на предмет того, что придет она в журнал с дипломом на груди и ее, отличницу, написавшую в газету «Вестник студента» статью о вреде курения, тут же возьмут редактором (может, даже главным), развеялись. Она знала — в штат новоиспеченных выпускников вузов не берут, гонорары платят крошечные, заданий не дают. На предложение: «Вы

скажите мне тему, а я вам напишу» — сотрудники изданий отвечают оглушительным смехом.

Но учиться ей нравилось. Нравилось жить с мамой и папой. Нравилась студенческая жизнь «понарошку».

Она даже побывала в гостях у Даши — в жуткой двушке на Рязанском проспекте, в доме без лифта, которую Аксенова снимала с какой-то «поэтессой».

Потом Даша вернулась на «Аэропорт» и квартиру снимала уже с моделью, позже забеременевшей от рок-звезды, но тогда Оксана просто ужаснулась бедности жилища, которое скорее напоминало муниципальную больницу, чем обитель двух молодых девушек.

Это была одна из тех квартир, что могли все рассказать о хозяевах: отчаянные лень и жадность мешали им даже поменять обои, забуревшие у потолка, а в сочетании с глупостью сделали их одними из тех рантье, которые после каждого скачка цен на недвижимость бегут повышать цену в три раза, с расчетом на то, что в их халупе возжелает поселиться нефтяной миллионер, а не какие-то там студенточки.

Она, Оксана, не променяет свою родную комнату с антикварной мебелью и подлинником Коровина на что-то в этом духе.

Бабушка умерла, Оксана переехала на Никитскую, а Даша купила квартиру на «Китай-городе» и построила дом на Ярославке.

— А ты давно работаешь у... с Дашей? — поинтересовался Захар.

— Работаю меньше месяца, но мы давно знакомы. Можно сказать, с детства, — объяснила Оксана.

— Тебе нравятся ее книги?

Он застал ее врасплох.

Признаться в том, что она читает Дашины книги? Нормальное признание для личной помощницы, но для человека ее круга...

Конечно, она прочитала все, что та написала, — пыталась узнать секрет успеха, но это не доставило ей ни малейшего удовольствия, ведь Оксана так и не решила загадку: почему она, Даша?

Почему она, с ее жалкими (будем честными) книжками, так популярна, почему ее знает в лицо вся страна, почему у нее столько денег?

— Ничего. — Оксана пожала плечами. — А тебе?

— Я всего одну прочел. Мне очень понравилось. Такой драйв!

— Драйв? — переспросила Оксана.

— И в жизни она точно такая же. Удивительно, да?

— Да, она такая... — промямлила Оксана.

Драйв? Ха! Что за драйв? Ну истеричка. Может, это и есть тот самый драйв?

— Ну а ты занимаешься пиаром, да?

Оксана растерялась.

Чем, собственно, она занимается?

Она работала в женском журнале, и в одно ужасное мгновение на нее обрушилось понимание, что жизнь ее льется сквозь пальцы.

Отличница? И что?! Красный диплом? Ей это надо?! Изящная фигура, хороший вкус, аристократические манеры? И что ей с этим делать?!

Где она сама? Где ее «я»?

Оксана уволилась.

Рассчитывала с месяц думать, искать себя, но ничего не вышло — она только поздно просыпалась, ела, тарачилась в телевизор (даже увлеклась «Домом-2»), перестала стирать одежду, так как ходила в единственных спортивных штанах, и поругалась с домработницей, которая требовала, чтобы Оксана съездила в «Ашан» и купила там какие-то особенные тряпки для полирования мебели.

Она была не готова посвятить свою жизнь статьям о качестве наращенных ногтей. Иногда это было увлекательно, но стоило ей представить жизнь в перспективе, как бессмысленность сущего становилась настолько очевидной, что даже убирать улицу казалось более полезным.

Она пошла бы в корпус мира или в Гринпис, но Оксане хотелось признания.

— До поры до времени, — произнесла она. — Вообще-то я собираюсь написать книгу.

— О! — удивился Захар. — Здорово. Это для тебя хороший опыт — поработать с Дашей.

Оксана его возненавидела. Хороший опыт? Он это серьезно? И как он себе это представляет: Толстой, Чехов, Диккенс, Аксенова?

Чему можно научиться у графоманки?

Ладно, нет никаких сомнений в том, что она, Оксана, завидует, но как можно не завидовать Аксеновой, Донцовой, Робски, если они... Что такого есть в их книгах? Ну ладно, Устинова еще туда-сюда, хотя бы пишет человеческим языком, а успех Робски чем объяснишь?

А популярность Аксеновой? Про Донцову и вспоминать страшно!

Оксана вспомнила, как чуть не описалась (покраснела-то уж точно) во время интервью с журналом «Эксперт». Дашу спросили, в чем она видит задачу искусства вообще и литературы в частности, и та ответила:

— Мы делаем мир лучше.

Мы. Делаем. Мир. Лучше.

Мы, Достоевский и Даша Аксенова, по матери Решетюк.

Все дело в том, что Оксане уже предложили написать книгу. Одно издательство. У нее была колонка в «Большом городе» — сейчас ее уже сняли, вот на нее и вышли через газету. Оксана согласилась, только пока не очень понимала, о чем будет книга.

Наверное, Захар тупой. Хоть и красивый. А тупые мужчины — не ее профиль.

Девушки за соседним столом зашушукались. Оксана обернулась и увидела ее. Дашу. Все те же черные рокерские джинсы в облипку. Черная шелковая рубашка. Тяжелые черные бусы с металлическими вставками. Готический макияж. Тоже мне, звезда танцпола!

Захар поглупел лицом.

— Уф! — Даша уселась за стол, схватила меню с десертами и принялась им обмахиваться. — Ну и жара! Я потная, липкая и мерзкая! Захар, возьми мне водички. Со льдом! — бросила она ему вдогонку.

Что за идиотская привычка?

Если домработница ехала в магазин, Даша могла ей раз сто позвонить: «Ой, я забыла — купи эклеров!», «Ой! Тампоны «мини!»», «Прости, совсем вылетело из головы — возьми соленых огурцов, бочковых!»... И так до бесконечности.

В музыкальный магазин Даша приходила со списком, но каждые пять минут названивала либо сотрудникам, либо знакомым:

— Помнишь тот диск, который мы слушали в прошлом году, когда ехали в Шереметьево? Ну когда улетали на Кипр! Третья с конца песня — там кто поет?

— Алло, Оксан, не могла бы ты зайти ко мне в комнату и посмотреть во второй слева или в первой кучке дисков на шестой полке — красная такая обложка с черепами?

— В Интернете посмотри хит-парад «М-радио», группа на букву «Z», в названии песни есть слово «faith»...

Конечно, это была ее, Оксаны, работа, но когда тобой крутит взбалмошная ровесница (почти ровесница), которая не хочет напрячься, чтобы хоть на минуту облегчить тебе жизнь...

— Спасибо! — Даша вырвала из рук Захара стакан с минералкой. — О-ооо... У меня все тело обезвожено... Слушайте! — воскликнула она, не отрывая стакан от губ. — Нам нужно показаться на одном мероприятии.

Оксана пролистала органайзер. Никаких вечеринок.

— Не! — отмахнулась Даша. — Меня только что Малахов позвал. День рождения одного журнала. В саду. Будет Баста Раймс. Пойдем?

Это приказ?

Она это назло?

Оксана была в черных брючках и бежевой майке — удобно носиться по городу, высунув язык, но уж никак не оттенять Дашу на вечеринке, где будет петь сам Баста Раймс.

— Отлично! — обрадовался Захар.

— А тебе нравится Баста Раймс? — прищурилась Даша.

Если вами не расшифрован какой-нибудь там Джонни Фармер, о котором никто не слышал, — ей не о чем с вами говорить. Детский сад.

— Мне нравится все, что нравится тебе, — усмехнулся Захар.

— Садись, два, — улыбнулась Даша. — Ну честно?

— Не все, — признался Захар. — Но некоторые песни даже очень.

— И мне! — обрадовалась Даша. — Обожаю, когда он с Эрикой Баду...

— ...с Эрикой Баду! — одновременно произнесли они и рассмеялись.

— Поехали? — Даша поднялась со стула, не обратив внимания, что Оксана еще не доела торт. — Извини! — Она вернулась на место, когда помощница отложила ложку. — Ну что ты, доешь сначала!

— О чем было шоу? — спросил Захар.

Даша посмотрела на него, ничем не показав понимания вопроса.

— А! — очнулась она. — Да!.. Бред какой-то. О чем? — спросила она Оксану. — О сериалах.

— И что ты сказала? — полюбопытствовал он.

— Ну слямзила у Михалкова цитату насчет того, что раньше актеры были кумирами, потому что кино было единственным развлечением, а сейчас сериальные звезды — почти члены семьи, ты видишь их каждый день в телевизоре. Этот... Астрахан очень обиделся.

Глава 3

На вечеринке Даша произвела сенсацию. Ее фотографировали с Захаром, который профессионально улыбался в камеру. Как выяснилось позже, в юности он подрабатывал манекенщиком.

Захар — в белой рубашке, Даша — в черной, отличный контраст, красивая пара, завтра их поженят.

А потом случилось нечто ужасное.

Они подросли прямо к началу концерта. Даша выпила три коктейля «Куба либра». Держалась мило. Обнималась с Захаром.

Потом Даша встретила девушку, которая увела у нее друга. Не любовника — друга.

От друга ушла жена — причем к какому-то сантехнику, или электрику, или вообще дальнобойщику. Друг жил с женой двенадцать лет, нарожал троих детей — и все это вопреки всеобщему мнению, что его жена мерзкая, склочная мегера.

Чего можно ждать от женщины, которая двенадцать лет назад заявила: «Если мы завтра не подадим заявление в загс, я приму предложение Вадика!»?

Это и есть любовь?

В общем, жена выпила не меньше трех литров его еврейской крови, которая под конец их союза наполовину состояла из водки, прежде чем отняла у него ключи от квартиры.

И тут у друга, который вопреки не только здравому смыслу, но оптическим свойствам контактных линз видел в этой растолстевшей злыдне умницу и красавицу, произошел нервный срыв.

Он купил красный «Порше», квартиру-студию с черными стенами и где-то подобрал совершенно ничемную девицу, которую тут же объявил смыслом своей жизни.

Девица, достоинства которой были, наверное, очевидны разве что в постели (или где там они занимались сексом), но проверить это было сложно, оказалась гадким, плохо воспитанным существом с интеллектом касового аппарата.

Однажды девица с кодовым названием Существо даже испортила Даше каникулы, а этого Аксенова простить не могла. Они с другом и его Новым Смыслом Жизни отправились в Марбелье, в его дом, куда он уже лет шесть приглашал Дашу, и вскоре выяснилось, что теперь там нельзя курить, смотреть кино на звуке после одиннадцати (Существо было жаворонком, то есть ложилось в десять, просыпалось в шесть), на море всем вменялось приходиться в восемь... И вот тут-то Даша и сорвалась.

Неделю она поясняла Существо, что ни физически, ни морально не готова к подъему в семь, так как ложит-

ся в пять, иногда пьяная. Но Существо упорно скреблось в ее дверь, заявляя, что завтрак готов.

И однажды Даша, едва заслышав в коридоре царапанье, сорвалась с кровати, распахнула дверь, схватила Существо за грудки и закричала:

— Ты, ...дь, что, по-русски ни хрена не понимаешь? Я сплю, и у меня нервный срыв, так что если я тебя убью — меня оправдают! Идиотка! Пошла вон!

Она схватила сумку и прямо в халате перебралась в гостиницу, куда ей позже прислали чемоданы.

Друг страдал. Пил и плакал. Но Существо, несмотря на заверения Даши в том, что она готова к перемирию и больше никого бить не будет, устроило любовнику скандал — лишь за то, что он виделся с Дашей, и на этом их дружба закончилась.

Для мира Существо было Юлей...

— Привет! — дерзко произнесла Юля.

— О! Пацаки! Чего без намордников? — выдала Даша.

Оксана, не ведающая тонкостей их отношений, чуть не упала в обморок.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Юля, до которой, видимо, тонкий юмор создателей «Кин-дза-дза» не доехал — не долетел.

— Ну пробралась через дыру в заборе, чтобы поздравить на халяву, — отрезала Даша. — А тебя, наверное, пригласил по меньшей мере главный редактор?

— Я здесь работаю.

— Официанткой? — усмехнулась Даша.

